

ЭХО МИШТАР
север и юг

ЭХО МИШТАР
вершины и пропасти

Софья Ролдугина

Эхо Миштар

север и юг

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р67

Иллюстрации на обложке и в блоке *Илоны Шавлоховой*

Карта на форзаце *Анны Лужецкой (Ааерупп)*

Леттеринг названия *Нади Совы*

Дизайн переплета *Кати Петровой*

Ролдугина, Софья.

Р67 Эхо Миштар. Север и юг / Софья Ролдугина. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-04-180534-0

В Ишмирате родиться кимортом, повелителем энергии морт, — и дар, и проклятие. Киморты не стареют, лишь становятся могущественнее... Но, достигая пика возможностей, они неминуемо проходят жестокую трансформацию.

Сброс.

Тогда рождается спутник, осколок личности, что отбирает память, чувства, силу. А киморт, который прежде был едва ли не божеством, превращается в бледную тень, навсегда оставляя тех, кого любил — и тех, для кого стал целым миром.

Каково тебе потерять учителя в один миг, Фогарта Сой-рон?

...и только ли учителя?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

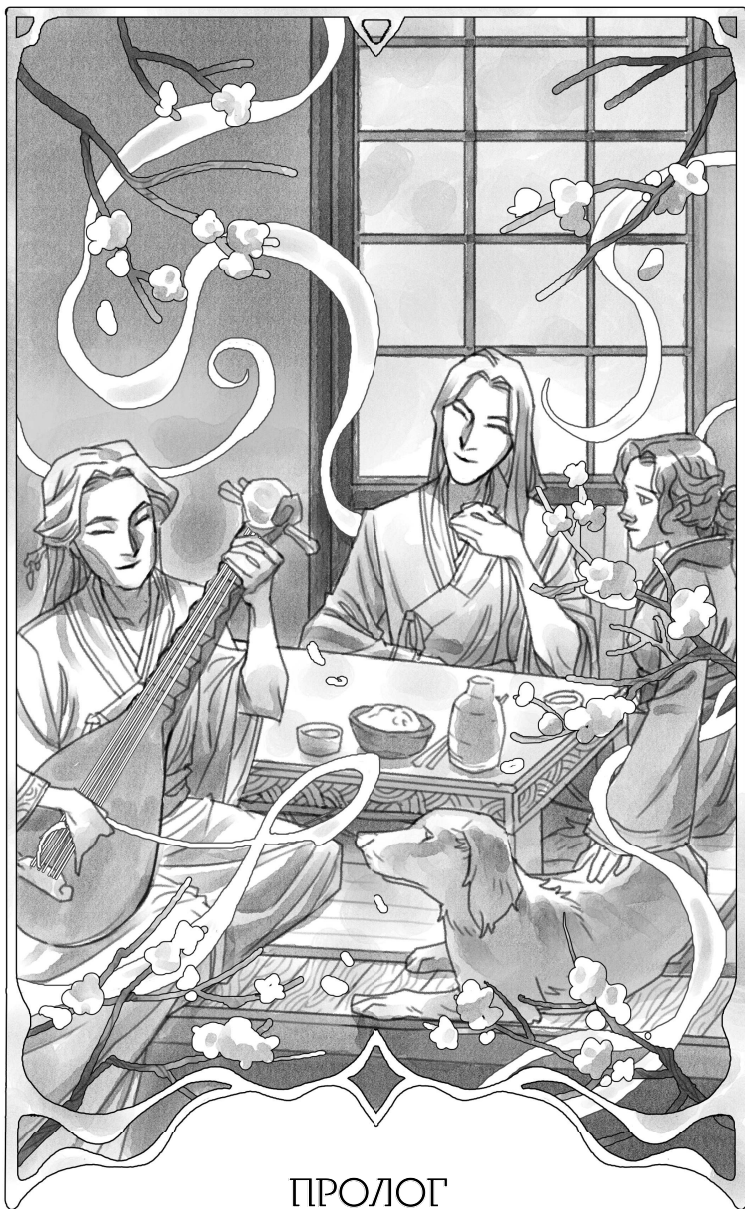
ISBN 978-5-04-180534-0

© Ролдугина С., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

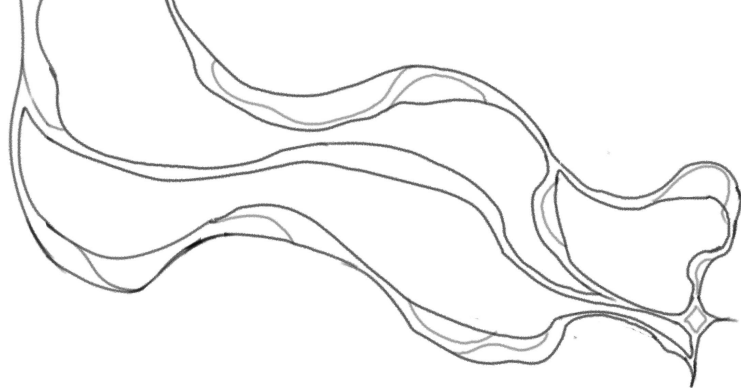
*Моей подруге Ленте, без которой этой книги
не было бы вообще — а ещё Жене, Мари и Хайм,
без которых она была бы совсем другой...*

*...и всем-всем, кто покидает дом,
чтоб отыскать утраченное
или отправиться за мечтой.*

Эта история — для вас.

ПРОЛОГ

Шимра — большая, шумная столица, неласковая к чужеземцам, жестокая к простакам, как гордая аристократка из древнего рода ишмы. И лишь у самых окраин она скорей похожа на мечтательницу, скромную и тихую, особенно весной, когда в каждом дворе гибкие ветви чийны покрываются нежно-лиловыми цветами, и плывёт в тёплом воздухе томный, приторный аромат... В это время своенравная и спесивая Шимра встречает с радостью любых гостей.

Даже таких, как я, Дёран, бродячий певец и сказитель.

И пусть глаза у меня уже прозрачные, как у слепца, но видят всё пока ещё ясно. Дом Алаойша я нахожу почти сразу — почти, потому что он отчего-то стал ярко-синим, а год назад был жёлтым, как листья молодой клиппы. Видно, Фог опять за эксперименты взялась... Была б у меня такая ученица, я б давно семиструнку об голову ей разбил! Или, что вероятней, себе — своя-то голова ближе.

Но то я. Алаойш — терпеливый змей.

Третья ступенька на крыльце всё так же поскрипывает. Люди привычные, вроде меня, приноровились её переступать, чтоб не тревожить зазря Ору, старую хозяйскую псину, уже глуховатую и совсем слабую, но по-прежнему считающую долгом своим встречать гостей хриплым лаем. Сорок четыре года — давно вышел отмеренный ей срок, и скоро даже искусство Алаойша не сможет продлевать собачью жизнь.

Киморты не всеильны... и не вечны, кто б что ни говорил. Дверь, по обыкновению, не заперта. Но только я её толкаю, как меня едва не оглушает грозный окрик:

— Фогарта! Да чтоб тебя!.. Фог, немедленно спускайся!

Отступаю, поправляя за спиной чехол с семистрункой — и улыбаюсь. Что ж, даже терпеливых змеев довести можно.

— Учитель, честное-честное слово, я больше не буду ходить одна в твою лабораторию!

— Фогарта, спускайся!

— Ну кто же знал, что тот хронометр нельзя трогать!

Из подвала валит дым.

Тихонько посмеиваясь, перекидываю семиструнку вперёд, распускаю чехол, трогаю струны... Алаойш вслушивается недоверчиво, а потом откидывает бисерную занавесь к дверному косяку и манит меня рукою, не отрывая взгляда от лесенки в покои Фог. Взгляд у него тревожный.

— Вовремя ты, — шепчет, чтоб ученица не услышала. — Смотри ведь, натворила чего-то, а теперь меня пускать не хочет. А мне тут думай — то ли она ошпарилась, то ли с испугу ревёт. Дёран, поговори с ней? Тебя она слушает.

— Отчего ж не поговорить, — киваю. Обхожу комнату и заглядываю в подвал. Дым щиплет глаза. — А что взорвалось-то, Алиш? — шепчу.

Алаойш отвечает не сразу и нехотя.

— Камень памяти делал. В прошлый раз мирцита мало взял, теперь — много.

— Камень памяти, значит.

Не нравится мне этот голос.

Подхожу к старинному другу и, встав на цыпочки, заглядываю ему в лицо. И ох как надеюсь ошибиться! Да только и в прошлый раз заметно было, что всё быстрее выцветает листовая зелень в его глазах. А нынче они бледны, что талая вода — только ободок по краю и чернеет.

— А скоро ли?..

Алаойш только плечами пожимает.

Значит, скоро.

Поднимаюсь по лестнице — и сажусь у двери Фог, положив семиструнку на колени. Тихо-тихо слышно, как всхлипывает девчонка у себя — верно, и впрямь сильно ошпарилась. Касаюсь струн — они отзываются песней: сперва как ручей в ночи, ненавязчиво, потом — громче и громче.

Фог перестает всхлипать и ползком подбирается к двери.

— Дёран, ты? — шепчет в щёлку.

— А кто ж ещё. Пустишь?

— А-а...

Дверь становится тёплой, а потом вспыхивает — и рассыпается занавесью из бисерных низок. Отодвигаю шелестящий полог в сторону, но только успеваю перешагнуть порог, как бисер за моей спиной вновь спекается дверью. Фог сидит на полу и дует на обожжённые ладони; полы серой шёлковой хисты так разошлись, что видно даже нижние одежды — и босую ступню; рыжеватое родимое пятно в форме цветка чийны — знак тяги к путешествиям, диагональный шрам от мизинца до пятки — память о первом эксперименте у Алаойша в лаборатории.

Подсаживаюсь ближе.

— Чего плачешь и прячешься? — спрашиваю, и семиструнка вторит серебряным звоном.

Фог молча откидывает волосы с лица и поворачивается ко мне. Кожа закопчённая — полбеда; беда, что и брови, и ресницы так опалены, что их едва видно.

— Вот я страшилище, да? — всхлипывает Фог и утыкается в расшитые рукава.

— Ну-ну, погоди плакать, — отвожу я ткань с её лица. — Нос распухнет — точно красавицей не будешь. Дай-ка гляну, нет ли у тебя ожога.

— Нет, — буркает Фог и отворачивается.

Обхожу её и снова сажусь — лицом к лицу.

— Так ты из-за бровей, что ли, плачешь? Фьють, ерунда какая!

— Да что бы понимал, Дёран! — вспыхивает мгновенно, что цветы эрисеи. — А как я к нему выйду?

— Беда-беда, — развожу руками. — Ты бы воды сперва добыла и умылась от копоти. А там посмотрим, чем тебе помочь можно. Ну же, что ты как маленькая! Так себя только глупые любовницы у богатых вельмож и ведут.

— Я киморт! — мгновенно вскидывается Фогарта и утирает лицо рукавом. — И учёная! Сейчас будет тебе вода.

Фог поднимается, всплёскивает руками — кисти рук словно размазываются лиловатым туманом, но только на миг — и воздух начинает сиять. Скоро уже можно различить очертания большой прозрачной чаши; наполняется она медленно, но верно — капельки и струйки воды текут в неё отовсюду: с потолка, из-под пола, собираются в воздухе... Когда воды становится достаточно, Фогарта плюхает чашу на пол, садится сама, по-мужски складывая ноги, и принимается старательно умываться.

Достаю из сумы шкатулку с краской и разным мылом, а оттуда — синий брусок.

— На-ка, попробуй этим.

Фог бурчит что-то в благодарность и взбивает из мыла пену.

Воздух начинает пахнуть весной в горах.

Не меньше года минуло с тех пор, как я гостил у Алаойша в прошлый раз, а Фог так и не поменялась ни на гран. И без того круглые ногти она стрижёт совсем коротко, а после стыдливо прячет руки; волосы завивает и подкрашивает листьями клиппы, но потом безжалостно убирает под заколку; хиста нарочито строгая и тусклая, но из-под неё виднеется краешек бирюзового нижнего платья. Так упрямство и честолюбие велят Фог быть учёной-кимортом, строгой и сухой, а сердце тянется к красоте. По мне, так это дело хорошее: вон, я ношу по десять разноцветных нижних одеяний, одно другого затейливее, и разве ж кто слово дурное сказал? То-то же.

Но у неё пока честолюбие сильнее.

Семья Фог лишь два века назад получила от солнцеподобного Великого ишмы высочайшее право бывать при дворе

и владеть землями, и слишком мало времени прошло, чтобы благородная кровь вымыла из облика вчерашних простолюдинов черты, привнесённые браками с иноземцами. Поэтому глаза у Фог не благородного миндалевидного разреза, а кругловатые, как у северян, да ещё вдобавок и слишком светлые; у неё крупные кисти и широкие запястья, более подобающие землепашцам; кожа её жадно впитывает солнце и быстро смуглеет.

Фог себе не нравится.

Раньше Алаойш посмеивался и говорил, что достаточно и того, что у неё высокий лоб и красивая улыбка, — значит, и ума, и сердечной чуткости дано вдоволь. А теперь он не смеётся, но частенько смотрит на Фог, когда та не замечает, — и просит иногда распустить волосы.

Фог не понимает, смущается по привычке и пеняет на свою нескладность.

— И как я теперь?

Отвечаю со всей честностью.

— Красавица. А брови... Дай-ка мы их тебе подкрасим. Да и ресницы заодно. Если все с умом сделать, то Алиш и не заметит.

— Правда? — выдыхает она и на коленках подползает ближе. Прозрачная чаша с мыльной водой покачивается на ковре, словно кувшинка на пруду. — Подкрась, Дёран. Я не умею.

— Иди к нам, в бродячие сказители, и научу, — улыбаюсь лукаво.

Фог смеётся.

— Мне и тут хорошо. А Алиш... Алаойш сердится?

— Нет, — говорю, а сам разбираю баночки с краской. — Он за тебя испугался, глупую. Вдруг ты обварилась или руки сожгла? Вы, киморты, себя лечить не умеете, и, если сразу к врачевателям не пойти — худо может быть... А ну-ка закрой глаза. И посиди смирно.

Стрелка часов не успевает сделать и трёх оборотов, а Фог уже крутится перед зеркалом, алая, как невеста на выданье. Чаша с мыльной водой, забытая на ковре, медленно прора-

стает лиловыми цветами — видно, много морт вложено в её создание.

— Хорошо? — оборачивается Фог, сияя.

Киваю важно:

— Хорошо. А теперь пойдём-ка к Алишу. Пусть готовит стол для дорогого гостя — целый Дёран-Сказитель приехал, праздновать надо! Тут уж не до беды в лаборатории, верно?

Фог смеётся.

Киморты — не изнеженные вельможи: они не нуждаются в слугах или в страже. Зачем, если к твоим услугам дыхание этого мира, всемогущая морт? Вот и Алаойш, не отвлекаясь от повести о моих странствиях и партии в на-джи, успевает воссоздать по памяти низкий стол и мягкие подушки-сиденья, переместить из подвала жаровни, посуду и приборы. Передвигая монетки из обсидиана и коралла по круглой доске для игры, я краем глаза наблюдаю за тем, как из кладовой выплывают яства, окутанные лиловой дымкой морт. Фрукты в корзинах — крупные, шишковатые плоды чи с пряной мякотью, сочные кислые ригмы, нежнейшие розоватые ай-ки — некоторые с женский кулак величиной; россыпь синих «ягод жизни» на фарфоровом блюде украшена желтыми листьями клиппы; холодное мясо уже разрезано на тонкие листы, а «морские пальцы» очищены от раковин. Специи и густые соусы Фог выносит сама, на большом деревянном блюде с множеством углублений.

Тенью пробирается в комнаты старая Ора; долго нюхает воздух, потом ложится подле Алаойша — выпрашивать лакомые куски. Он улыбается и зажигает лампы — вскоре всё вокруг залито тёплым янтарным светом.

— Вот теперь и гостя не стыдно за стол пригласить, — удовлетворенно оглядывает стол Алаойш и усмехается: — Как, Дёран, окажешь честь — отведаешь нашей скромной пищи?

Шутит. Знает ведь, что с дороги я голоден, как лис.

И вот уже скоро медные блюда поставлены на жаровни, и вода с пряностями кипит. Тонкими щипцами я поддеваю

листы мяса и опускаю их в кипяток — поочередно во все три блюда — и лишь потом перекладываю к себе на тарелку. Следом наступает черед «морских пальцев», потом — овощей; мясо к тому времени успевает подостыть, и весьма кстати приходятся горячие соусы Фог.

Хорошая трапеза — не для торопливых.

Когда первый голод утолён, наступает время разговора.

— Как дела на севере? — первым начинает Алаойш, поглядывая искоса на ученицу. После острой пищи она разругмянилась, и глаза у неё заблестели. — Всё так же воюют?

Фог едва прислушивается к разговорам о политике — они ей скучны — и вместо этого чешет Ору за вислым ухом. Старая псина то ли спит, то ли просто ленится откликаться и лишь изредка повиливает стриженным хвостом.

— Воюют, — подтверждаю. — Сыновья тамошнего ишмы, что называется в северных землях лоргой, никак не поделят власть. Но я слышал, что один из них собирается просить милости у Солнцеподобного. Думаю, что скоро он и одержит победу, а караваны Ишмирата зачествят в Лоргинариум.

— А на юге ты не бывал?

— Не в этот раз. Но слышал от друга моего Сэрима, что южные земли по-прежнему в запустении. Не скоро ещё зарастут шрамы, что оставила пятидневная бойня, когда киморт шёл на киморта, забыв о воле морт...

Беседа течёт плавно и лениво, как равнинная река.

Постепенно мы переходим от политики к делам житейским. Алаойш рассказывает о последних своих исследованиях, не упоминая, впрочем, о камне памяти. Потом и Фогарта начинает хвастаться первой настоящей работой.

— ...ну Дёран, ни за что не поверю, что ты не слышал об эхе Мишгар!

Оглядываюсь на Алаойша — он незаметно прикладывает палец к губам и качает головой.

Молчи, Дёран.

— Нет, — лгу с улыбкой на устах. — Расскажи мне, красавица.

Фог хмурится и почесывает опаленную бровь. Краска немного смазывается.

— Ну, про мировое-то эхо ты наверняка слышал. Нет? — Фог потерянно вздыхает. — Тогда издалека начну. Знаешь те устройства для разговоров, что мастера делают и заставляют работать с помощью мирцита? «Дальние голоса»? Когда собирают такое устройство с железной раковины, и она может как принимать звук, так и превращать его в невидимые и неслышимые волны, подобные в чём-то морт, и пересылать к другому устройству.

— Это знаю.

— Так вот, если «дальний голос» направить в небеса, а потом переключить устройство на приём, то вскоре волна вернётся назад. Это называют мировым эхом. И никто не может понять, от чего отражается звук. От облаков? Но ведь эхо возвращается даже в абсолютно ясную погоду... Может, есть невидимый купол над нами? Но ведь киморты поднимались в укреплённом дирижабле на высоту, что волна может достичь за это время... И купола там нет. Но есть нечто, отражающее звук... Понимаешь?

Оглядываюсь на Алайша.

Он смотрит в сторону, и лицо у него блее белого.

— Понимаю.

— Так вот, теперь об эхе Миштар, — продолжает Фогарта, в волнении терзая рукава своей хисты. — Вообще многие сейчас уже думают, что «Миштар» — просто такое устоявшееся название, вроде как гора Анцу, дерево ригма или озеро Арирамар. Но на самом деле явление это названо при имени некоего учёного-киморта по имени Миштар. Неизвестно даже, мужчина это был — или женщина, дитя юга — или севера, потому что жил... или жила Миштар много-много лет назад. История не сохранила причину, по которой этот киморт решил пойти против воли морт. Может, то была любовь; может, любопытство. Но Миштар отважился переломить судьбу и начал исследовать природу спутников и превращения киморта в эстру. Он первый доказал, что спутник — лишь

подобие личности, и при этом — божество, — хрипло произносит Фог и осекается. Взгляд её сам по себе притягивается к Алаойшу. — Божество, сотканное из памяти и силы трёхсотлетнего киморта. Именно поэтому киморт лишается своей личности и вынужден создавать другую — ведь то, что её составляло, уходит к его спутнику. Но смотри, Дёран. Ведь не только киморт, но и любой человек состоит не только из памяти и сил. Из чувств — тоже!

Растерянно касаюсь семиструнки, и она отзывается хрустальным вздохом.

Плохо.

Не могу сдержаться, а надо.

— Думаю, что так, Фог. Мы любим и ненавидим, мы боимся и желаем, испытываем отвращение и восторг, нежность и ярость, страсть и охлаждение, лень и воодушевление. Это всё и делает нас живыми.

— Вот! И Миштар тоже думал об этом, — кивает Фог. — Посмотри, какая сила заключена в чувствах! Из-за чувств юг превратился в Землю злых чудес, из-за чувств Аюс Счастливица была возвышена из кружевниц в младшие жены ишмы, а после его смерти заправляла Ишмиратом как своим домом. Чувства приводят в движение историю и пространство! В них заключена невероятная сила! И ведь не может быть так, что она испаряется в никуда, да? Может, чувства превращаются в волны? Как звук. В невидимые волны, которые разлетаются во все стороны, когда киморт становится эстрой. Ну, так решил Миштар. И ещё он предположил, что если бы нашлось что-то, способное отразить их... вроде неизвестной мембраны в небесах, которая отражает неслышимые волны преображённого звука... — Фог задыхается от восторга. Глаза у неё горят; лиловатая дымка морт окутывает запястья и шею, как диковинное украшение. — Словом, чувства вернулись бы к эстре! И он снова стал бы собой. Ведь даже если нет памяти — можно сотворить новую. Если нет силы — можно накопить! И лишь чувства, повторить которые нельзя, становятся препятствием на пути возвращения